XII 1977

0 8 1

ТУ 19—32—73

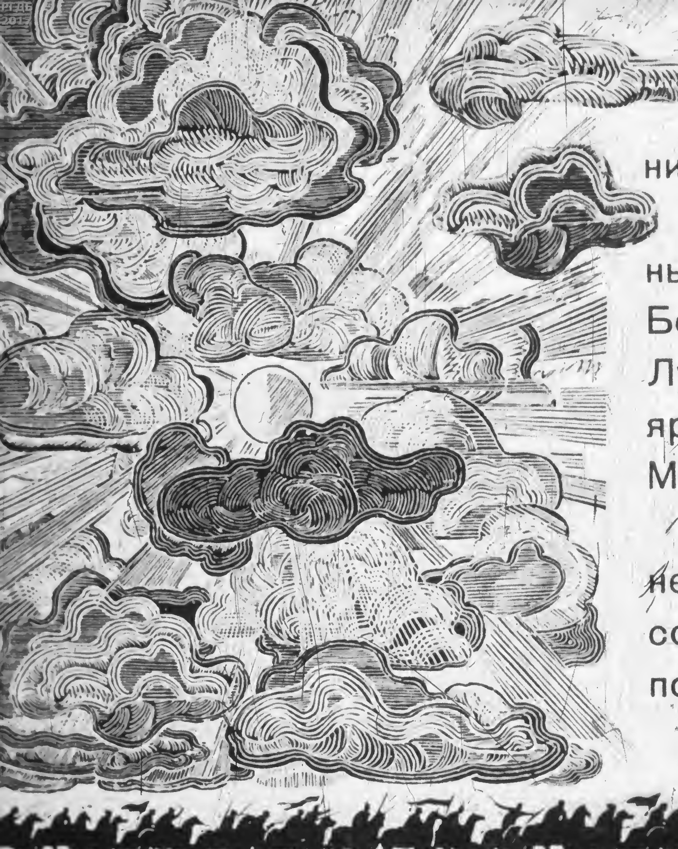
5

4

ДИАФИЛЬМ

ПЕСНЯ О ВЕТРЕ

ИЗ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ 20-х ГОДОВ

Перелистываем страницы советской поэзии.

Суровые и вдохновенные 20-е годы... Асеев и Бедный, Сельвинский и Луговской... Талантливо, яростно, широко работает Маяковский.

И, овеянная пламенем недавних лет, рождается советская романтическая поэзия.

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.
В. Луговской.
3

1921
1920
1919
КРЫМ
С построечной пыли
я крикну на это:
„Мы всё-таки были
до чёрта поэты!“
Пусть смазанной тушью
на строчечном сгибе
нас ждёт равнодушья
холодная гибель.
Но наши стихи
рокотали, как трубы,
с ветрами стихий
перепутавши губы...
Но нашей строкой
до последнего вздоха
была беспокойна
живая эпоха.
Н. Асеев.

Праздничный, весёлый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

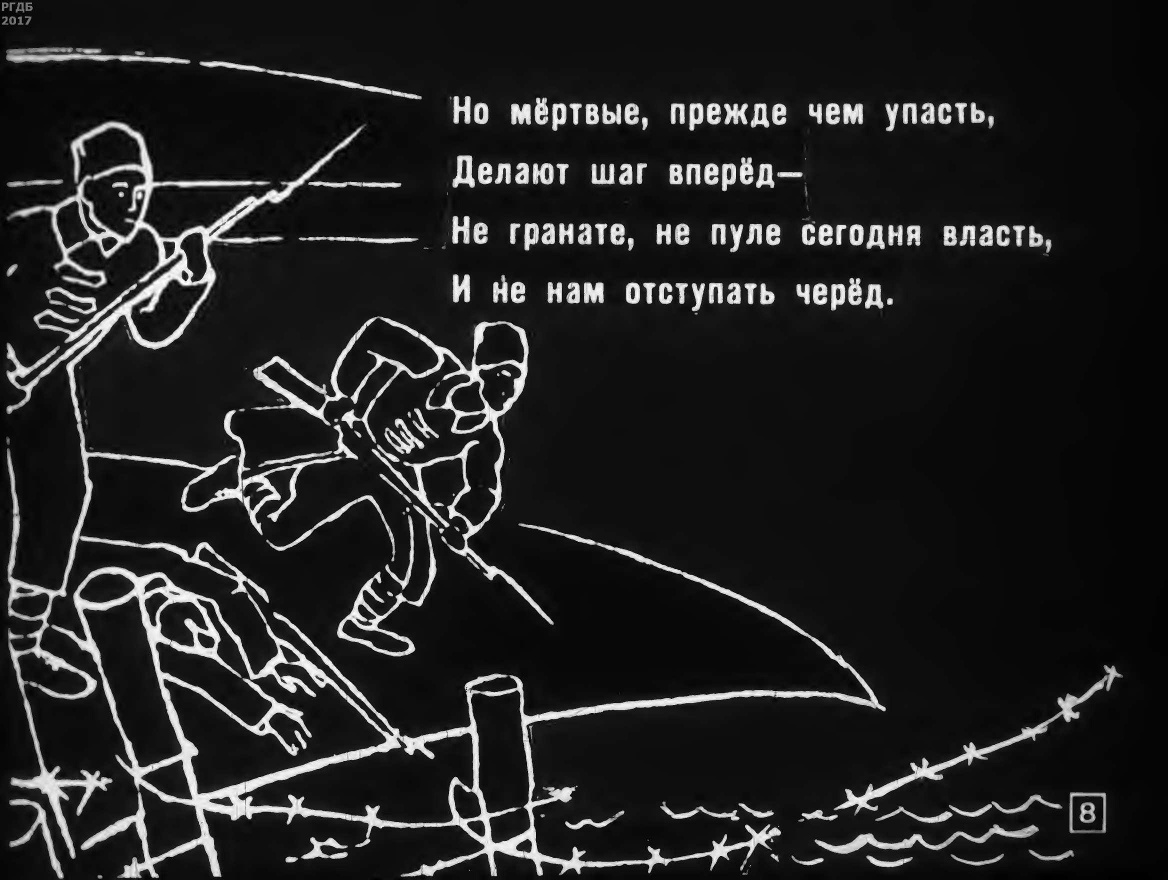
„В пёстром хаосе стихов для меня было самым главным ощущение этого нового мира и его хозяина — победившего пролетариата“.

Катятся звёзды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз
И хлеба — фунт на троих.

Напряжённый ритм — и почти протокольная чёткость. В жёстком — до аскетизма — поэтическом образе угадывался „безбытный" облик времени.

Но мёртвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперёд—
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черёд.
8

„...Никто у нас не бывал столь верен... теме и привержен одной излюбленной задаче, как он, — писал о Николае Тихонове К. Федин. — Тема эта — революционная борьба, задача — поиски героя“.

„Бьющее на скорость“ поэтическое слово. Взвихренный ритм. Угловатость. Динамичный, сжатый в пружину сюжет.

„БАЛЛАДА О СИНЕМ ПАКЕТЕ“.

Локти резали ветер, за полем — лог,
Человек добежал, почернел, лёг.

Лёг у огня, прохрипел: „Коня!“,
И стало холодно у огня.

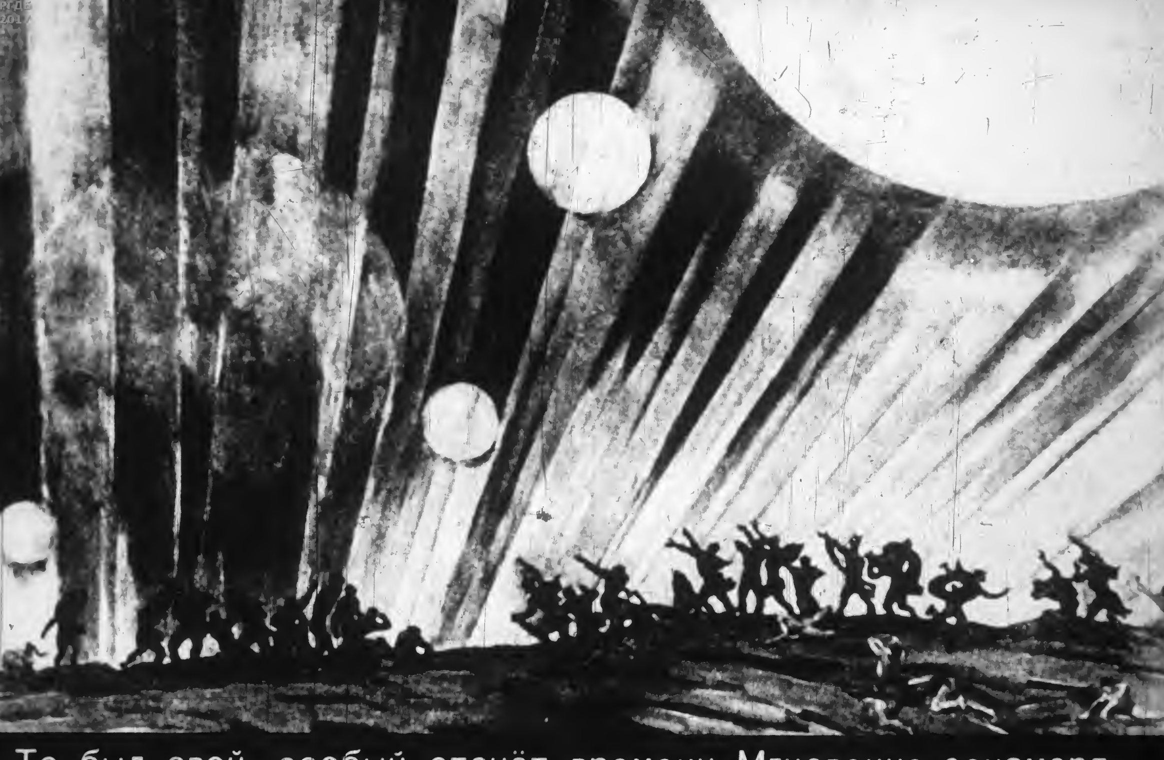

Мы не знаем, кто он, этот человек, с биением сердца, опережающим бег коня. Но в порыве стремительном и напрасном различаем высокую трагедийную ноту.

Суровая бескомпромиссность эпохи определяла плакатную прямолинейность его поэзии. „БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ“ с её крылатым последним двустишьем:

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

То был свой, особый отсчёт времени. Мгновение соизмерялось с вечностью и вечность была выверена мгновением.

И вот под небом, дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство.

Они улеглись у костра своего,
Бессильно раскинув тела,
И пуля, пройдя сквозь висок одного,
В затылок другому вошла.

М. Светлов

Снова обжигающая память о войне. Отблеск костров — он станет спутником поэзии Светлова. И счастье духовного братства людей. Даже в смерти.

...С газетной полосы, ещё пахнущей краской, его стихи шагнули в жизнь, волнуя чистотой поэтического тона, теплом человечности и чем-то неуловимым, чему не сразу отыщешь название...

Поворачивали дула
В синем холоде штыков,
И звезда на нас взглянула
Из-за дымных облаков.

Наши кони шли понуро,
Слабо чуя повода.
Я сказал ему: — Меркурий
Называется звезда.

Перед боем больно тускло
Свет свой синий звёзды льют...
И спросил он:
— А по-русски
Как Меркурия зовут?
Он сурово ждал ответа;
И ушла за облака
Иностранная планета,
Испугавшись мужика.

Мягкий юмор и суровая патетика финала. Слова прозрачно просты, никакой „весомости, грубости, зримости".

И где-то на скрещении „поэзии“ и „прозы“ рождается лёгкий до невесомости светловский романтический образ.

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И „Яблочко“-песню
Держали в зубах...

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.

Он пел, озирая
Родные края:
„Гренада, Гренада,
Гренада моя!“

„... *Однажды,* — вспоминает Михаил Светлов, — *... я увидел вывеску: „Гостиница „Гренада“... Я начал напевать: „Гренада, Гренада...“ Кто может так напевать? Не испанец же? Это было бы слишком примитивно. Но тогда кто же?.. Да, конечно же, мой родной украинский хлопец. Стихотворение было уже фактически готово, его оставалось только написать...*“

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашёл.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!
21

РГДБ
2017
Я хату покинул,
Пошёл воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
„Гренада, Гренада,
Гренада моя!“
22

Как все большие поэты, он не боялся романсных интонаций, „запетых“ мелодий.

Гренада

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.

Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.

Он пел, озирая
Родные края:
— Гренада, Гренада,
Гренада моя! —

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?

Ответь, Александровск,
И Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украйна:
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей.

Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен.

Где же, приятель,
Песня твоя:
— Гренада, Гренада,
Гренада моя! —

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.

Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: — Грена...

Да! В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.

„Красивое имя,
Высокая честь —
такая, казалось бы, старина, а ведь подходит. Как здорово!“ — восхищался Маяковский.

В маленьком стихотворении таился такой запал революционной страсти, такая сила интернационального братства, что в сознании современников Светлов надолго оставался автором одной „ГРЕНАДЫ“.

Первые рабфаки двадцатых годов. Юность штурмовала твердыни науки. Воплощением её порывов, её упорства стала маленькая светловская рабфаковка.

В двадцать пять небольших свечей
Электрическая лампадка, –
Ты склонилась, сестры родней,
Над исписанною тетрадкой...

В сосредоточенной тишине оживают страницы истории. Звоном бокалов. Пыланьем костров.

И далёкому прошлому в поединке эпох отвечает героическая современность.

Страна переживала трудную пору нэпа. Из щелей густо пополз буржуазный быт. Нужен был поэтический размах и отвага Маяковского, чтобы сражаться с ним оружием слова.

Пошлой прозе этого быта Светлов стремится противопоставить героику прошлых битв.

Я нынешней ночью
Не спал до рассвета,
Я слышал — проснулись
Военные ветры.

Я слышал — с рассветом
Девятая рота
Стучала, стучала,
Стучала в ворота.

За тонкой стеною
Соседи храпели,
Они не слыхали,
Как ветры скрипели...
И, радуясь мирной
Такой обстановке,
На тёплых постелях
Проснулись торговки.
29

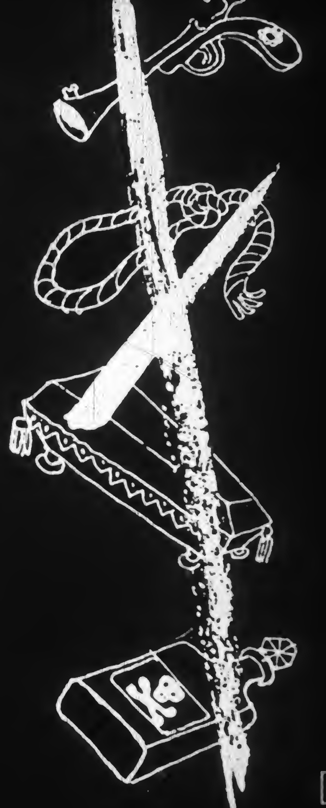
Но крепче и крепче
Упрямая рота
Стучала, стучала,
Стучала в ворота.

Я рад, что, как рота,
Не спал в эту ночь,
Я рад, что хоть песней
Могу ей помочь...

Туда, где бригада
Поставит пикеты, —
Пустите поэта!
И песню поэта!

В сложной и пёстрой литературной жизни 20-х годов негромкий поэтический голос Светлова всегда был обращён к человеку. „ЖИВЫЕ ГЕРОИ“ – это мягкость иронии, тепло улыбки, сила светловской доброты.

И если, не в силах
Отбросить невроз,
Герой заскучает порою,
Я сам лучше кинусь
Под паровоз,
Чем брошу на рельсы героя.

Прохожий застынет
И спросит тепло:
—Кто это умер, приятель?—
Герои ответят:
—Умер Светлов!
Он был настоящий писатель!
32

„Этот сутулый, несколько громоздкий человек с хрипловатым, низким голосом... с неистовой любовью к поэзии..."

П. Антокольский.

„Романтики старой мечтатель и бард".

Н. Дементьев.

Он „был похож на самого себя и ни на кого больше".

И. Бабель.

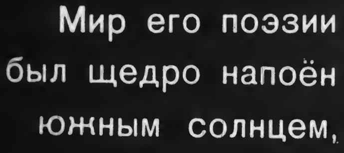
Слово — Эдуарду Багрицкому!

Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Чтоб звёздами сыпалась
Кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться
Вселенной навстречу...

Исступлённая яростность стихов. Всепоглощающая стихия движения...

Казалось — ветер революции, ворвавшийся в его стихи, смешался с солёным и буйным морским ветром.

Мир его поэзии
был щедро напоён
южным солнцем,

его населяли
моряки и птицеловы,
мечтатели, бродяги,
герои любимых книг...

Но чувство необычайного в современности было сильнее литературных пристрастий. *„...Вся мировая литература ничто в сравнении с биографией свидетеля и участника революции“.*

Гимнастёрка в дырьях и заплатах,
Вошь дотла проела полотно,
Но бурлит в бутылочных гранатах
Взрывчатое смертное вино...

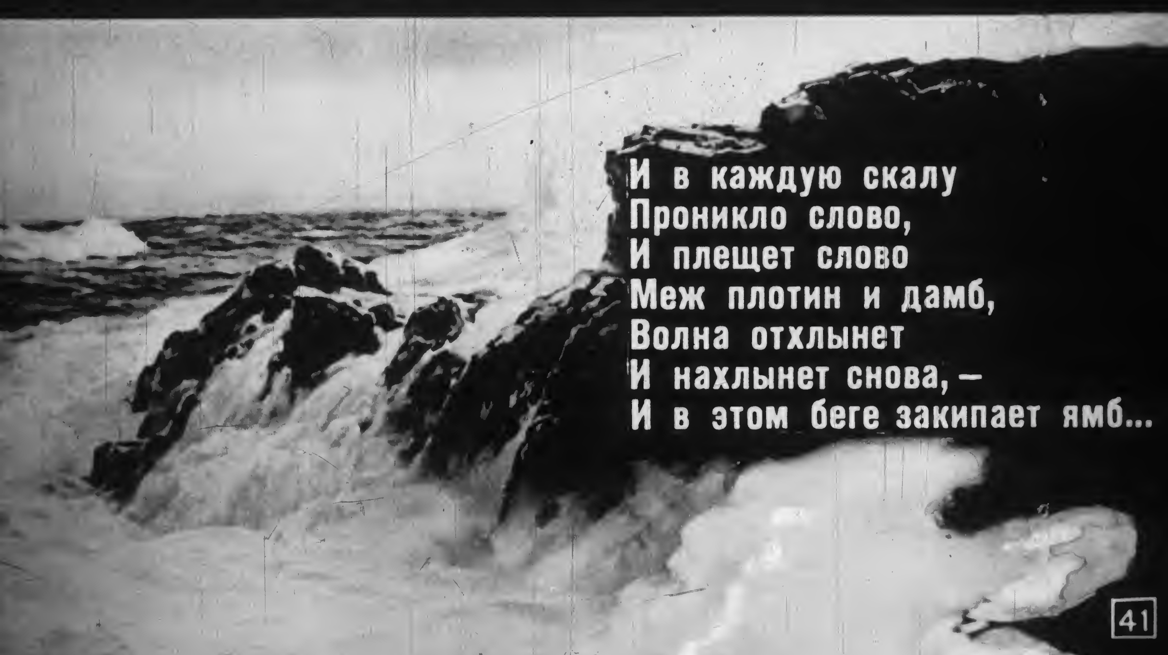

РГДБ
2017
И на фронт, кострами озарённый,
Пролетают... Пролетели... Нет...
Песнями набитые вагоны,
Ветром взмыленные эскадроны,
Эскадрильи бешеных планет.
38

Был голод, разруха, тиф. И было захлёстывающее чувство свободы. Оно прорывалось звонкостью красок, цветеньем земли, неистовым напором пробуждающейся жизни.

И вот из коряг,
Из камней, из расселин
Пошла в наступленье
Свирепая зелень...
Первым дроздом
Закликают леса,
Первою щукой
Стреляют плеса,
И звёзды
Над первобытною тишью
Распороты первой
Летучей мышью...

Поэзия творила свой образ мира. В нём были нерасторжимы море и небо, Пушкин и Блок, жар поэзии и революционный пламень.

Образ Пушкина — символ прекрасной и вдохновенной поэзии — Багрицкий намеренно вводит в круг образов революции.

Москва. 1925 год. Рябит в глазах от вывесок. Частная торговля. Нэп.

**Он вздыбился из гущины кровей —
Матёрый желудочный быт земли.**

И поэту кажется — жизнь предала героические идеалы эпохи. Горечь, трагический разлад с современностью слышатся в „СТИХАХ О СОЛОВЬЕ И ПОЭТЕ":

Куда нам пойти? Наша воля горька!
Где ты запоёшь?
Где я рифмой раскинусь?
Наш рокот, наш посвист
Распродан с лотка...
Как хочешь —
Распивочно или на вынос?

Чувство растерянности преодолевается не сразу. Но уже в „РАЗГОВОРЕ С КОМСОМОЛЬЦЕМ Н. ДЕМЕНТЬЕВЫМ"—утверждение связи времён, преемственности революционных поколений.

Пусть покрыты плесенью
Наши костяки,
То, о чём мы думали,
Ведёт штыки...

С нашими замашками
Едут пред полком—
С новым военспецем
Новый военком.

В эти годы написана „ДУМА ПРО ОПАНАСА“, дума о родине, революции, человеке. О потрясённости войной. О „третьем пути“ — предательстве.

„Мне хотелось показать... историю крестьянина, оторвавшегося от своего класса... Рассказать о нём и о его гибели“.

Чернозём потёк болотом
От крови и пота, —
Не хочу махать винтовкой,
Хочу на работу!..

Опанасе, наша доля
Туманом повита, —
Хлеборобом хочешь в поле,
А идёшь — бандитом!

Трагический тупик. Неотвратимость расплаты. И над заплутавшейся судьбой человеческой — неумирающая поэзия украинских степей.

Багрицкий был тяжело и неизлечимо болен. Всё чаще мучило удушье. Мир сжимался до размеров комнаты загородного Кунцевского дома. Сюда приходили поэты и рабкоры. Отсюда уходили герои новых стихов.

В мир, „открытый настежь бешенству ветров“, шла молодость страны, и с ней — советская романтическая поэзия.

КОНЕЦ

Диафильм по литературе для 10 класса
сделан по заказу Министерства просвещения РСФСР

Автор М. ФАЙНБЕРГ
Художник-оформитель И. БУЛАТОВА
Редактор Л. КНИЖНИКОВА

Студия „Диафильм“ Госкино СССР, 1974 г.
101 000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Чёрно-белый 0-20
Д-240-74